

Мария Сорока

ГОЛАЯ ПРАВДА

Мария Сорока

Голая правда

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сорока М.

Голая правда / М. Сорока — «ЛитРес: Самиздат», 2020

«Голая правда» – это восемь ироничных новелл об эмансипации, о моде, о любви, о красоте, об искусстве, о саморазвитии, о верности и о будущем. Они звучали в пабах и библиотеках, в арт-кластерах и прямых эфирах инстаграма, а первая публикация завершающего рассказа («Взгляд на Фудзияму») состоялась в США. Истории из сборника часто сравнивают с произведениями Тэффи. Начав когда-то с меланхолических сказок, сегодня Мария Сорока (@zapadovostok) в трендовых форматах рассказывает о реальности: иногда странной, иногда суровой, иногда весёлой и всегда «на грани». Одна из первых книг автора попала в серию «Захар Прилепин рекомендует». Содержит нецензурную брань.

Содержание

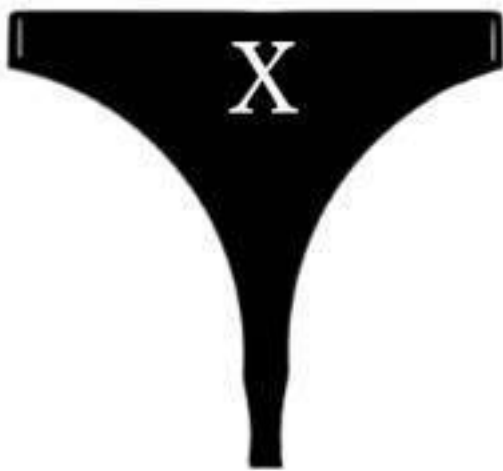
...об эмансипации	5
Голая правда	5
...о моде	7
Футболка Филиппа Пляйна	7
...о любви	10
Все русалки одинаковые	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мария Сорока

Голая правда

...об эмансипации

Голая правда

Арина смотрела на себя голую в зеркале, а видела не то чтобы себя, а, скорее, совокупность костей, мяса и нервов. Она не могла прийти к однозначному выводу, красиво это всё сошлось или нет, и ей неприятно было, что так же её видят и изучают другие. Одежда тут значения не имела: даже будучи в плотном свитере, Арине казалось, что её оценивают и взвешивают. Но с этим всё же получалось как-то жить, и даже это превозмогать, причём идя на абордаж.

Маленький город, в котором жила девушка, казался поразительно тесным. В нём даже кричать было бесполезно, потому что звук либо растворялся в окружающем вакууме, либо отлетал от стенок и жалил кричащего. Вырваться пока не получалось, и Арина старалась хотя бы быть собой и существовать как-нибудь интересно. Она нашла себе дело, и оно помогало бороться с сомнениями и страхами. Однако это дело осуждалось родителями и обществом вообще.

– Ах ты паршивка! – закричала мать, когда Арина вышла под вечер из своей комнаты. Затем совсем уж заверещала и загородила своей тучной фигурой дверной проём: – Нет, ты никуда не пойдёшь!

Женщина в длинном засаленном халате с возмущением смотрела на короткий блестящий бежевый плащ, в котором дочь уже чуть было не вышла на улицу. О, она прекрасно знала, что он значил. Можно было сказать наверняка: если под этим плащом что и есть, то только нижнее бельё. Женщина грозно смотрела на дочь. Её цветочек, её Арина уже столько позора обрушила на седые головы родителей! Ни минуты не думала о них, а только исхищрялась в своих непотребствах.

Арина запротестовала:

– Пусти! Какое право ты имеешь меня задерживать?!

– А такое! – прогромыхала мать. – Думаешь, я не вижу, не понимаю, что ты опять задумала?! Да как же тебе не стыдно! Вон весь твой интернет в твоих голых фотографиях. Не могу никак понять, что за человек вырос в этом доме?

Арина ответила зло и со слезами:

– А что мне, быть как ты?! Тухнуть в архиве да борщи варить?! Посмотри на себя, во что превратилась!

Матери поплохело. Она схватилась за сердце и даже начала сползать по двери. Алина, дрожа от негодования, ударила кулаком в стену. Она привела доводы в свою пользу, а женщина в халате, с поварёшкой в руках слушала её, но не слышала. Осознав безвыходность ситуации и бесполезность убеждений, Арина внезапно издала нечеловеческий, полный отчаяния рёв. И мать оказалась повержена своим же оружием: она испугалась, как бы соседи или кто ещё не услышал скандал, и потому пришлось отступить от двери, отпустив дочь на все четыре стороны.

Едва выбежав на улицу, Арина столкнулась с соседом, своей первой любовью, с которым она когда-то, ещё милой невинной девочкой, целовалась во дворе. Сосед спросил: «Какие дела?», – а Арина ответила: «Да всё те же». Тогда парень покачал головой, заулыбался и припомнил Арине, какая она была стыдливая. «Теперь всё иначе», – неловко кивнула девушка и заспешила прочь.

Арина ужасно опаздывала. Наконец, она добралась до главной улицы. Там с недавних пор, нагло бросаясь в глаза прохожим, красовалась вывеска нового стриптиз-клуба – первого в их маленьком городе. В узкой витрине над изящными картонными силуэтами даже днём мигали огоньки.

Недалеко от входа Арина встретила подружки. Девушки крепко обнялись и перебросились парой фраз. Тут на улицу въехала машина владельца стриптиз-клуба. Арина встрепелась, засуетилась. Мужчина вышел из машины и вразвалку направился ко входу в свое заведение. А Арина не медлила. Одно легкое движение – и бежевый плащ упал на тротуар. Девушка осталась почти совсем голая, только в туфлях и в тонких стрингах. Так стала она с гордо поднятой головой посреди улицы, в ещё не сгустившихся сумерках.

То же повторили подружки Арины. Владелец стрип-клуба, как и прохожие, замер в удивлении и большом любопытстве. А в руках Арины, словно из ниоткуда, появился плакат. «Закрывать притон!» – гласила надпись на картонке, вознёсшейся над головами людей. Уже ни в чём не сомневаясь, Арина затрясла плакатом в воздухе. «Женщины – не мясо!» – закричала она под щелчки фотокамер, и подружки подхватили: «Женщины – не мясо».

...о моде

Футболка Филиппа Пляйна

Хлопчатобумажная футболка Филиппа Пляйна стала для Фёклы настоящим идолом. Да и как могло быть иначе, если та почти необъяснимо стояла как месяц работы её отца, как месяц самостоятельной жизни брата в съёмной квартире и даже больше месяца «достойной» старости прабабушки-медаленосца. Странность казалась равной странностям мировых религий, и Феня сделала выбор в пользу конфессии, придуманной самостоятельно и скроенной по себе.

В мире Фени стало возможно всё. Она невзлюбила усилия, потому что их сложно посчитать и оценить. Она свела все свои действия к легкомысленной лаконичности. Она потребовала от жизни большего и лучшего, потому что если уж футболка стояла так невозможно, то она, Феня, и подавно.

В её поведении не было аллегии, в её историях не находилось морали, так как многое из задуманного, в общем-то, складывалось, но серединка на половинку. Например, прогуляв занятия по важному предмету, Феня всё-таки чудом отхватила «четыре». Её пригласил на свидание толковый красавец, но что-то сорвалось, а после забылось без сердечных терзаний. Она стала приятно проводить время со щедрой знакомой, но вскоре родители лишили ту средств к расточительству.

И вроде бы не было повода усомниться в выбранном курсе. «Это работает!» – хлопала в ладоши и хвасталась Феня. А раз что-то всё же шло не так, зияла лазейка для недовольства собой. Феня решила, что хватит молиться на вырезку из журнала. Ей требовалась *риза*.

Купить футболку Филиппа Пляйна Феня не могла. Она стала рыдать по ночам, и соседка слышала рыдания через стену «панельки».

- Ты страдаешь вещизмом, – заметила она.
- Неправда, – всхлипнула Феня в розетку.
- Так купи хорошую подделку.
- Ни за что!

Разве в подделке был смысл? Феня хотела футболку не для стиля и не ради зависти, а дабы обрести и потрогать свой жизненный ориентир, хлопчатобумажное подтверждение того, что ничто не имеет определённой стоимости, и цены задают сами люди, из плоти и крови. Феня боялась, что, купив подделку, станет ею сама.

И она решилась украсть. Феня слышала, что для кого-то воровать – постоянное хобби. Она читала, что так развлекаются даже люди со средствами на любой бутик. Мимолетный разговор со знакомым антиглобалистом окончательно развеял вопросы о моральной стороне дела. Оставалась только техническая. Феня замерла, выжидая подходящий случай, момент, идею.

Внезапно словно само провидение дало о себе знать, как это часто бывает, когда всей душой к чему-то рвёшься. Феня попивала кофе по акции на террасе ресторана и вдруг невольно подслушала беседу двух девушек: оживлённый разговор, до слюны, но в полтона, о том, как присвоить себе любую вещь. Одна подруга вертела перед носом другой неодимовым магнитом и рассказывала о его чудесном свойстве превращать платное в бесплатное. Беседа была настолько возбуждённая, что, когда девушки ушли, предмет остался забытым на столе. Магнит блестел в лучах солнца, а Феня смотрела на него, открыв рот. Она возмущённо выпучила глаза и развела руками перед невидимыми укорителями: «Ну, знаете ли... Как тут не взять». Действительно, она вынашивала идею кражи так, будто собиралась дерзко ограбить банк или хранилище казино, и недопустимо было пренебречь удачей.

Спустя пару дней, надев всё самое немногословное и накрасившись как никогда естественно, Феня направилась в мультибрендовый бутик. Была шальная мысль повесить на локоть пакет, как из ЦУМа, но мысль эта, к счастью, не задержалась. В магазине, небрежно пройдясь вдоль полок и вешалок, Феня сложила две одинаковые футболки так, чтобы у входа в примерочную их засчитали за одну, едва задвинув шторку, дрожащими руками высвободила мягкую ткань от защитной пластмассы, надела предмет обожания, спрятав его под свитером, и уверенно, но не слишком быстро, покинула магазин, мимоходом бросив продавщице вторую, будто бы не подошедшую вещь.

Двери захлопнулись, улица обдала прохладой. «Это было нечто», – тяжело дыша, подумала Феня. Всё прошло так легко, что даже не верилось. Но сложное ждало впереди.

Не всякий интеллектuala может похвастаться, что хотя бы раз в жизни проходил через столь мощный экзистенциальный кризис, какой настиг тогда Феню. Само собой, проблема была не в маленьком преступлении, глубже. Иногда Феня чувствовала себя недостойной дорогой вещи, раз не смогла сама на неё заработать, а порой украденная футболка вела Феню к мысли, обратной прошлым выводам, страшной мысли: ничто не стоит вообще ничего. Тем временем окружающие замечали футболку, и не всем она нравилась. Только когда Феня называла цену, люди одобрительно качали головами. Феня вздыхала себе под нос: «А что, если бы и вправду сама на неё разорилась?»

Но при всём футболка занимала почетное место в шкафу, на отдельной вешалке, защищённая целлофаном от угрюмого домашнего быта. Когда Фене становилось грустно и казалось, что ждать от жизни нечего, она приподнимала чехол и вспоминала, что ждать, требовать и брать можно, что угодно. Фене, как многим, хотелось, чтобы кто-то пообещал ей: всё будет хорошо. И футболка обещала.

Спустя несколько месяцев один мультибрендовый бутик навсегда захлопнул свои двери для покупателей. Это было шумное закрытие, на котором присутствовали несколько репортёров. Работавший рядом брат Фени разузнал, в чём дело, и первым огорошил сестру:

– Разоблачение века! Годами продавали подделки из Китая, представляешь? А все эти шмотники велись! Так им и надо. Ха-ха! Не оттуда, надеюсь, твоя драгоценная футболка?

Мир поблек. Феня превратилась в тыкву. Ей подумалось, что никогда больше чудо и уверенность не помогут ей сдать экзамен или устроить свидание с толковым красавцем. В её вере тоже оказалось место для ада, и она провалилась в геенну.

– Так оттуда? – переспросил брат.

– Конечно, нет, – соврала Феня.

...О ЛЮБВИ

Все русалки одинаковые

Натянутая грудь и ровные кубики пресса были непоколебимы, как скалы. Но под ними, словно рассекающая бухту моторная лодка, в самом сердце гудело: «Не любит! Не любит! Не любит!»

Урош не знал её имени. Она приехала недавно, и ему известно было только то, что она была русалкой. Точнее, моделью. Точнее, актрисой. Точнее, аниматором: сидела на берегу залива, на камне, в роскошном костюме русалки и фотографировалась с туристами за деньги. В общем, неважно. Русалкой.

Один раз Урош спас её, тонущую. Но она решила, что Урош спасатель, и только коротко поблагодарила за хорошую работу. В другой день Урош принёс ей мороженое, но «актриса» отказалась, сославшись на простуду, и в бреду жара тут же забыла лицо Уроша. В третий раз Урош принёс ей букетик, но модель была окружена толпой туристов и приняла Уроша за пассажира лайнера. С мимолётной благодарностью пару секунд она подержала в руке букетик, и тут же протянула цветы какой-то капризной плачущей девчонке.

Впервые Урош увидел будущую возлюбленную издали, с середины залива. Она сидела на камне и обмахивалась, как веером, искусственными жабрами. Её длинный парик блестел, а чешуя хвоста переливалась на солнце. Урош уже сутки не спал. Он прилежно учился в морской академии, а всё свободное время работал на старой отцовской лодке. Работал, как только мог: рыбачил, перевозил что-то, катал туристов. Поэтому поначалу подумал, будто русалка мерещится ему от усталости. И это благоговейное видение было привычно.

Сколько себя помнил, Урош бредил русалкам. Ещё маленьким мальчиком он заявил: «Я возьму такую в жёны». И даже в ранней молодости, уже получив некоторое образование и жизненный опыт, он всё-таки нет-нет да и верил, что хладнокровные красавицы обитают в глубинах морей и однажды удостоят вниманием его персону. Как часто он себе это представлял! Сколько сюжетов прокручивал в голове! Иногда он готов был пойти на дно под чарующие манящие песни морских обманщиц. Иногда справлялся с искушением и крал одну из них себе

в лодку. А порой и вовсе влюблял в себя всю стаю, привлекая отвагой и накачанным прессом. Он не испытывал иллюзий о нравственности русалок, но готов был смириться со всем, лишь бы стать ближе к необычному существу. Конечно, с возрастом Урош утратил надежду, вот тогда-то и начались явления химер. Он видел силуэты русалок сквозь туман, слышал их песни в темноте ночи, он чувствовал холодные прикосновения пальцев, свесив ноги из лодки.

Наконец-то Урош столкнулся не с видением. Ему предстала самая натуральная фигура. Правда, фокус быстро раскрылся: девушка расстегнула защёлку на бедре и выскользнула из тяжёлого блестящего хвоста. Зато Урош тут же узнал, что не бредит, и может наконец-то верить себе. Он был обескуражен и не додумался подплыть ближе, но уже на следующий день ровно в то же время подкатил к берегу и снова увидел свою русалку.

Надежды Уроша не обманули: девушка выглядела очень хорошенькой, хотя и сердитой из-за жары. Подойти к ней Урош решился только спустя ещё пару дней, но думал об этой русалке он непрерывно с того самого момента, как увидел её издалека. Обычно он не церемонился даже с самыми расчудесными красавицами, но длинный парик и блестящая чешуя заставили его смущаться и трепетать.

Когда девушка несколько раз проигнорировала внимание Уроша, тут уже недолго было и до влюблённости. В минуты особой задумчивости Урош расстраивался, что всё же имеет дело не с настоящей русалкой, но после недолгих размышлений приходил к выводу: их союз – единственный компромисс, лучшее, на что он может рассчитывать в этой далёкой от мифов жизни. Так влюблённость перерастала в любовь и твердую веру, будто высшие силы послали ему невесту.

Однажды поздним вечером, когда туристы уже покинули пирс, когда купальщики разошлись по номерам и барам, чтобы ненароком не встретиться с медузами, и только сутулые неподвижные силуэты рыбаков искривляли длинные линии морского пейзажа, над берегом раздался пронзительный вопль русалки. Тонкие пальчики дёргали застёжку хвоста, но молнию заело намертво. При каждом движении механизм захватывал всё больше ниток и пайеток, грозя порвать и распушить сложную систему вышивки. Самое ужасное: ключи, телефон, деньги – всё надёжно хранилось внутри хвоста. «Актриса» оказалась пленницей образа, стала настоящей русалкой, без возможности пройтись по земной тверди.

Урош услышал вопль и тут же явился на помощь. По рассеянному взгляду возлюбленной он понял, что она пока не привыкла его узнавать. Что ж, дело времени. Русалка в отчаянии рассказала свою беду, и Урош по-простому предложил оторвать молнию.

– Ты с ума сошёл?! – бессильно выпалила девушка. – Знаешь, сколько стоит этот костюм? Я лучше сдохну. Можешь сбегать за ножницами?

– Я живу далеко, – ответил Урош и махнул рукой на противоположный берег залива. – Но я тебе помогу.

Вдруг раз – он легко, словно пляжное полотенце, забросил русалку себе на плечо. Мир в миг перевернулся на сто восемьдесят градусов, девушка даже не успела сообразить, в чём дело. А когда поняла, застучала кулаками по спине Уроша и замахала тяжёлым хвостом.

– Да что же ты?! – смеялся Урош, старясь удержать её хвост. Довольно ловко – он же тысячи раз себе представлял, как это может быть. – Я просто помогу тебе добраться домой.

– Ты не знаешь, где я живу!

– Знаю.

С месяц назад, вскоре после первых неуклюжих попыток познакомиться, Урош, вот в такой же вечер подошёл к русалке и предложил проводить её до дома. Коренастая фигура заслонила свет фонаря, а лица совсем не было видно, и девушка осторожно отказалась. Урош решил проследить за ней – и слава богу! Она и сама не знала, в какой неблагополучной подворотне поселилась. С того вечера Урош почти каждый раз украдкой провожал её домой, и

только дважды чуть не выдал себя шорохом, заставив её испуганно озираться по сторонам и ускорять шаг. Так что да, он знал, где живёт возлюбленная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.